

Воскресенский собор Горицкого монастыря — проблемы датировки и интерпретации архитектурных форм

© 2019

УДК 726.5.03(470.12)

ББК 85.113(2)

Б28

Поступила в редакцию 05.03.2019

Собор Воскресенского Горицкого монастыря — единственная постройка, связанная с благочестием семьи Старицких князей, осуществленная в Белозерье и представляющая поэтому значительный интерес для истории удельного строительства в XVI столетии. Его первый исследователь С.С. Подъяпольский посвятил ему статью, на долгие годы определившую место этого храма в истории архитектуры Белозерья [Подъяпольский, 1989. С. 334–339]. По результатам новых натурных исследований конца 1980-х — начала 1990-х гг. была опубликована работа С.Б. Куликова [Куликов, 1997].

Все авторы, писавшие о монастыре и его соборе, опирались в качестве достоверного источника на приписку на странице в монастырском Синодике XVII в.: «Онаго боголюбца, князя Андрея Старицкого строение святой обители церковь Воскресения Христова каменного здания в пределе Кирилла Белозерского да теплая церковь Одигитрия Богородицы с трапезою и паперти малые строено оное в лето 7052-е» [Подъяпольский, 1989. С. 334].

Указанная в Синодике монастыря дата строительства храмового комплекса 1543/1544 гг. не подвергалась сомнению. Были высказаны сомнения в ктиторстве князя Андрея Старицкого [Там же], скончавшегося в заключении в 1537 г. Поэтому церковь могла быть построена только по повелению его вдовы, княгини Евфросинии [Куликов, 1997. С. 169]. О ее ктиторстве свидетельствует и запись в источнике, значительно более раннем, чем монастырский синодик XVII в. В Никоновской летописи в известии о пострижении княгини Евфросинии сказано: «А похоте же жити на Белеозере в Воскресенском девичье монастыре, где прежде того обет свой положила и тот монастырь соружала» [Дополнения к Никоновской летописи, 2000. С. 368].

Тем не менее между этими одновременными источниками нет противоречия, поскольку сведения о ктиторстве князя Андрея Ивановича могли являться результатом ошибочного прочтения другого источника, являвшегося официальным документом. Это Отписная книга Воскресенского Горицкого

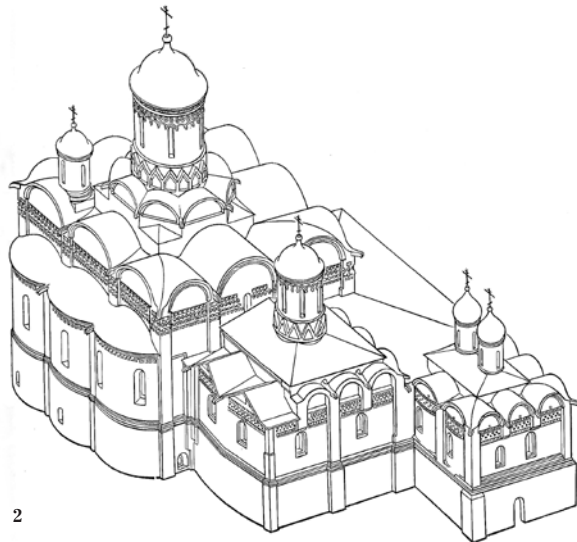
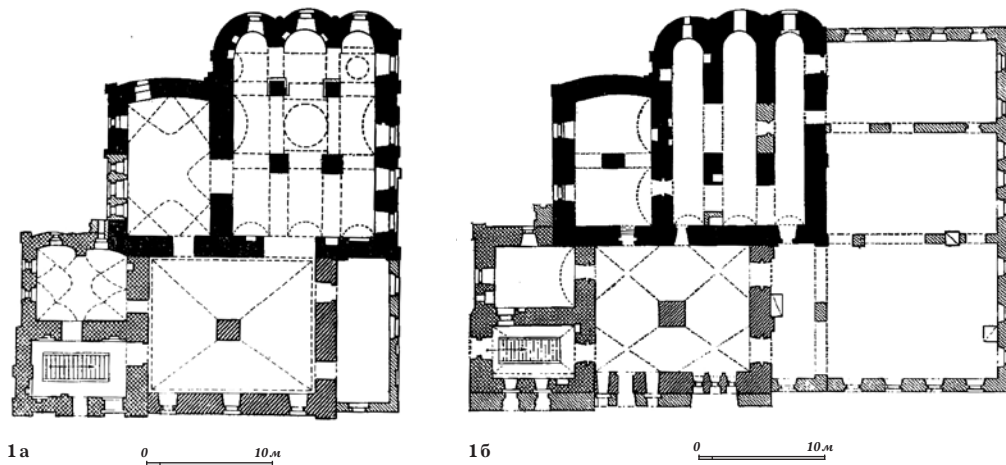
монастыря, составленная «Лета 7169-го мая в 31 де(нь)» (1661 г.). Здесь подробно описывается не только хронология строительства соборного комплекса, но и указывается на ктиторство княгини Евфросинии: «Соборная и теплая церкви и предел чудотворца Кирила и трапеза и паперть строение удельного князя Андрея Ивановича Старицкого княгини его Евфросинии Володимировны во инокинях Евдокеи лета 7052-го году. А церковь святые мученицы Екатерины и царевича Димитрия и колоколня строение царицы инокини Марфы Фёдоровны, царевича Димитрия Углецкого матери, строили по приказу ея Кириловым монастырем при игумене Матфее лета 7119-го году» [Отписная книга, 1994. С. 263].

Один из вопросов, которые поднимались в связи с натурным изучением памятника, был связан с тем, можно ли полностью доверять перечню построек, относящихся к 1543/1544 г. и перечисленных и в Отписной книге, и в Синодике. С.С. Подъяпольский первым обратил внимание на определенное противоречие между записью в монастырском синодике и историей храмового комплекса. Согласно его натурным исследованиям собора, к первоначальному строительному периоду, датированному 1543/1544 г., относятся сам соборный храм и придел Божией Матери Одигитрии. По опубликованной им периодизации трапезная и каменная паперть относятся к XVII столетию [иную точку зрения см.: Куликов, 1997. С. 172] ^[илл. 1]. При этом автор справедливо указывал на особенный устав монастыря [о нем см.: Маштафаров, 2006. С. 113], при котором общей трапезной, характерной для общежительных обителей, быть не могло.

Поэтому то сооружение, которое сохранилось до нашего времени, было не помещением для общей трапезы монашествующих, а трапезной, характерной для храмовых комплексов XVII столетия, расширявшей пространство теплого придела. В этом соборе в 1661 г. им был придел Божией Матери Одигитрии. Таким образом в Отписной книге и записи на полях Синодика под 1543/1544 г. описывался разновременный комплекс, сложившийся в XVII столетии. Поэтому и сама датировка может подвергаться обсуждению.

В качестве источника для прояснения этого вопроса будут служить особенности архитектурного облика.

С.С. Подъяпольский назвал собор Воскресенского Горицкого монастыря образцом архаизирующего направления в зодчестве Белозерья, в котором «характерные черты белозерских храмов конца XV в. проступают даже более отчетливо, чем в других северных постройках 30–40-х гг. XVI в. ...» [Подъяпольский, 1989. С. 339]. Это суждение аргументировано блестящим анализом форм этого собора, план которого отличается особой нерегулярностью [Там же. С. 334]. Композиция фасадов несет на себе также следы определенной бессистемности. В большей степени это характерно для северного фасада северного придела собора во имя иконы Божией Матери Одигитрии ^[илл. 2]. Мы видим попытку изображения на фасаде фрагмента традиционной структуры — лопатки, членящие фасад и закомары, завершающие плоскости прясел. Однако две лопатки прерываются над оконными проемами, разбивая привычную композицию фасада. При этом все лопатки (и укороченные, и полноценные) без импостов «перетекают» в плоские непрофилированные архивольты. Все это позволило



Ил.1 Воскресенский собор Горицкого монастыря: а. План подклета; б. План второго яруса [Подъяпольский, 1989. С. 335]: ■ — 1544 г.; ■ — 1611 г.; ■ — середина XVII в.; ■ — XIX в.

fig.1 The Resurrection Cathedral of the Goritsky Monastery: a. Plan of the basement; b. Plan of the second floor [Pod'iapol'skii, 1989, p. 335]

ил.2 Воскресенский собор Горицкого монастыря. Аксонометрия [Подъяпольский, 1989. С. 336]

fig.2 The Resurrection Cathedral of the Goritsky monastery. Axonometry [Pod'iapol'skii, 1989, p. 336]

С.С.Подъяпольскому предположить, что собор был построен местными мастерами [Подъяпольский, 1989. С. 334].

В то же время здесь проявляется знакомство этих мастеров с постройками италянизирующего направления за пределами Белозерского региона. Во-первых, это единственный собор с округлым абрисом закомар. Во-вторых, здесь отсутствует такая характерная черта всех белозерских построек, как второй ряд кокошников, что было бы уместным при повышенных подпружных арках. Обращает на себя внимание одна деталь, отсутствующая практически во всех известных памятниках того времени — «ложные» кокошники щипцовой формы в основании барабана и собора, и Одигитриевского придела. В соборе они в определенной степени дублируют полукруглые кокошники, декорирующие постамент главы. Подобные «двойные» постаменты светового барабана известны и в других постройках первой трети — середины XVI в. Одной из них является собор Успенского монастыря в Старице — в центре удела князя Андрея Ивановича. Интересно то, что в основании его центральной главы также был поставлен двойной ряд кокошников — первый декорировал восьмигранный постамент, а верхний — основание барабана. Нельзя не задать вопрос, не является ли эта не менее уникальная композиция в основании барабана Воскресенского собора репликой узнаваемого мотива предшествующей каменной постройки в центре удела старицких князей

Отметим также нехарактерную для Белозерья и всего русского среднерусского зодчества 1530–1540-х гг. композицию сооружения, построенного изначально с выделенным в отдельный объем приделом¹, что более соответствует основным тенденциям второй половины столетия в московской архитектуре.

Для этого времени необычен и характер декора. Строители отказались от италянизированной структуры фасада (трехчастный антаблемент в основании закомар, раскрепованный на лопатках), повсеместно распространенной в Белозерье в 1530–1540-х гг., и вернулись к орнаментальным фризам конца XV столетия. Наряду с другими элементами (поребрик, бегунец) он включает и крестообразные ниши с керамическими балясинами, характерных для орнаментации белозерских храмов 1480–1490-х гг. [ил.3] Подобный мотив был распространен и за пределами Белозерья, насколько можно судить по Духовской церкви Троице-Сергиевого монастыря, церкви Ризоположения Московского

¹ Постройки Александровской слободы (двухпридельный Покровский собор, церкви Святой Троицы и Успения Пресвятой Богородицы с приделами с северной стороны) относятся к середине – второй половине XVI в. Недавно такая датировка построек аргументирована топографическим исследованием А.В. Яганова. Согласно его исследованиям, территория, на которой существовала сначала резиденция Ивана IV, а затем Успенский монастырь в начале XVI столетия, не входила в состав великокняжеских владений [Яганов, 2018]. Можно предполагать, что с северным приделом был изначально построен собор Троицкого Калязина монастыря. Известен также многопридельный собор Спаса на Бору, который является также уникальной постройкой, композиция которого определена преемственностью с великокняжеским монастырским храмом и особенностью его положения на территории дворца, что могло определить уникальную систему посвящений. Эти храмы, скорее, представляют исключение. Поэтому для 1544 г., особенно для Белозерья, подобная композиция представляет уникальное явление.



3



4



5

ил. 3 Воскресенский собор Горлицкого монастыря. Восточный фасад. Фрагмент.
Фото Ю.В. Тарабариной

fig.3 The Resurrection Cathedral of the Goritsky monastery. East facade. Fragment.
Photo by Iu.V. Tarabarina

ил. 4 Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. Фриз в основании закомар
fig.4 The Assumption Cathedral of the Kirillo-Belozersky monastery. Frieze at the base
of the gables

ил. 5 Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря.
Барaban. Фрагмент фриза. Фото Ю.В. Тарабариной
fig.5 The Church of the Beheading of St. John the Baptist of the Kirillo-Belozersky Monastery.
Drum. Fragment of a frieze. Photo by Iu.V. Tarabarina



ил. 6 Собор Спасо-Прилуцкого монастыря. Барабан. Фрагмент фриза. Фото Ю.В. Тарабариной
fig.6 The Cathedral of the Savior Prilutsk Monastery. Drum. Fragment of a frieze.
Photo by Iu.V. Tarabarina

Кремля и более позднему Воскресенскому собору Волоколамска. В этих храмах баясины располагались или между нижним и верхним городками как в церкви Ризоположения, или под верхним рядом городков и опирались на полку (в Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря и соборе Волоколамска). Существовал и другой принцип размещения баясин в нишах, созданных тягами, соединяющими или два городка, или верхний городок с полкой (дворец князя Андрея Васильевича Углицкого). Особенностью соборов Белозерья конца XV в. было преимущественное размещение керамических баясин в крестообразных нишах (соборы Спас-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей) [ил.4]. Исключение составляет фриз на апсиде жертвенника Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.

Этот мотив трансформируется в начале XVI в. в суздальском Покровском монастыре. В карнизе центрального барабана на месте баясин появляются простые тяги. В белозерских храмах первой половины XVI столетия он также подвергается переработке, но в иной форме. Декоративные пояса предшествующего периода здесь сохраняются только на территории Кирилло-Белозерского монастыря. Мы видим близкий к первоначальному мотив только в завершении барабанов, поскольку их место в основании закомар занял антаблемент. При этом, насколько можно судить по сохранившемуся барабану церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, этот мотив подвергся модификации: в крестообразных нишах помещены не «классические» баясины конца XV столетия, а их схематизированные подобию в виде кирпичных столбиков с круглыми бусинами посередине [ил.5].

За пределами Кирилло-Белозерского монастыря этот элемент традиционной среднерусской декорации второй половины XV в. приобретает трактовку, приближенную к известной в Суздале, — остаются крестообразные ниши, а бусины помещаются на разграничивающих их тягах. Иными словами, схематичное изображение



ил. 7 Собор Покрова на Рву. Портал придела Николая Великорецкого
 fig.7 Cathedral of the Intercession of the Most Holy Theotokos on the Moat. The portal
 of the Nikola Velikoretsky chapel

А.Л. Баталов
 Воскресенский собор Горицкого монастыря

блясины помещается между нижним и верхним городком. Такие пояса присутствуют в декоративных фризах барабана Спасского собора^[ил.6] и на четверике церкви Введения Прилуцкого монастыря, а также церкви Введения Спас-Каменного монастыря. Поэтому появление во фризе четверика собора Горицкого монастыря «классического» мотива второй половины XV в. свидетельствует об осознанной ориентации на местный образец конца предшествующего столетия.

В свое время С.С. Подъяпольский обратил внимание на пояс из крупных бусин, проходящий под нишами с блясинами, который он связал с интерпретацией ренессансного мотива гирлянд, известного по порталам 1508 г. из Благовещенского собора Московского Кремля. Он также подчеркнул полную идентичность этой интерпретацией с аналогичными декоративными деталями в соборе Покрова на Рву^[ил.7]. Однако при этом, исследователь предположил вероятность ориентации строителей не на московские образцы, «а какие-то иные, не дошедшие до нас сооружения, территориально близкие к Белозерью»^[Подъяпольский, 1989. С. 339].

Напомним, что пояса из крупных бусин оформляют рамки филенок на гранях ортогональных восьмигранных приделов собора Покрова на Рву и прямоугольные порталы некоторых приделов. При этом эти бусины присутствуют в тимпанах порталов центральной церкви собора Покрова на Рву, что полностью соответствует месту этого мотива в их протографе — в порталах Благовещенского собора. В соборе Горицкого монастыря этот мотив помещен вне какого-либо структурного контекста. Можно ли представить, что этот мотив впервые в истории русской архитектуры появляется в этом противоречивом произведении?

Прежде всего, предположение о его существовании в других постройках до строительства собора Покрова на Рву ничем не доказано. Этот мотив является компонентом общего замысла собора Покрова на Рву, разорвавшего все связи с предшествующей местной архитектурной традицией. При строительстве этого собора, благодаря сочетанию уникального замысла и участию в его строительстве мастеров европейской выучки, произошло формирование нового архитектурного языка. Что же касается собора Горицкого монастыря, то отсутствие определенной мастеровитости, о которой писал С.С. Подъяпольский, малосовместимо с открытием новых форм. Существует и другой мотив, также не встречающийся в среднерусской архитектуре, и особенно в архитектуре Белозерья. Речь идет о необычной форме кокошников в основании барабанов собора и придела. Это щипцы, обрамленные рамкой из кирпичей, положенных на постель. Единственная параллель — это вимперги в основании восьмигранных барабанов ортогональных приделов собора Покрова на Рву (придел Святой Троицы, Киприана и Иустины и Николая Великорецкого). Кроме того, следует обратить внимание и еще на одну важную деталь, не замеченную ранее. На месте импостов в лопатках собора помещены ниши, а в них полуцилиндры, сложенные из трех кирпичей^[ил.8]. Подобные детали неизвестны в Белозерье, или Волокламске, но хорошо знакомы по межъярусному карнизу собора Покрова на Рву. Такие же кирпичные цилиндры образуют фриз в карнизе апсиды церкви Козьмы и Дамиана в Муроме 1564 г.



ил. 8 Воскресенский собор Горицкого монастыря. Западный фасад. Фрагмент. Фото В.А. Рябова
fig. 8 Resurrection Cathedral of the Goritsky monastery. West facade. Fragment.
Photo by V.A. Riabov

Если допустить подобную интерпретацию мотивов, то мы должны признать, что собор Горицкого монастыря начали строить после 1561 (освящение собора Покрова на Рву) или после 1559 г. (освящение его приделов). Подобная датировка не противоречит и применению повышено-подпружных арок, которые встречаются в постройках второй половины столетия. Так, они использованы в соборе Анастасийского Богоявленского монастыря в Костроме 1559–1563/1564 гг., также обладающего архаизированными чертами средне-русской архитектуры (в том числе и фризом, аналогичным фризу барабана в соборе Покровского Суздальского монастыря).

При такой датировке становятся понятными и другие особенности собора, в том числе отказ от многорядных кокошников. Также объяснимо и повторение общей структуры декора конца XV столетия на его четверике и цитирование элементов декоративного фриза. В сочетании с необычной для Белозерья композицией храма с выделенным в отдельный объем северным приделом эти черты указывают на возможный образец — Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. В 1554 г. с северной стороны этого собора был выстроен придел во имя Святого князя Владимира, поставленный над местом погребения князя Владимира Ивановича Воротынского. Таким образом сложилась композиция одноглавого собора с северным приделом, которая затем могла быть повторена в соборе Горицкого монастыря².

² Что касается пояса керамических баясин в нишах, то этот мотив, скопированный с фризов барабана Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, повторяется в наиболее позднем храме царствования Ивана IV, церкви Иоанна Лествичника, построенной на рубеже 1560–1570-х гг. и освященной в 1572 г.

Нам неизвестно, когда Горицкий монастырь стал ктииторской обителью княгини Евфросинии Старицкой. Слова летописи «и тот монастырь соружала» должны относиться к строительству в монастыре или его благоуукрашению. Монастырь, названный в жалованной грамоте князя Михаила Андреевича Можайского 1435–1447 гг. Горицким [Акты социально-экономической истории, 1958. № 78, с. 49], возник не позднее 1440-х гг. [Маштафаров, 2006. С. 113]. Однако каким был этот монастырь, мужским или женским, сведений не имеется. Не исключено, что в 1543/1544 г. усилиями княгини Евфросинии произошло учреждение женской обители. В 1540 г. «по печалованию» митрополита Иоасафа она была выпущена из «нятства» со своим сыном князем Владимиром Андреевичем Старицким. В 1541 г. князю был возвращен удел его отца князя Андрея Ивановича [Летописный сборник, 2000. С. 135]. Вероятно, после 1541 г. княгиня Евфросиния приступила к благоуукрашению своего ктииторского Горицкого монастыря в Белозерье. Но это возможная нижняя граница начала преобразований в монастыре. Пострижение и отъезд в Горицкий монастырь не означало прекращение этой деятельности. На содержание княгини в монастыре, служащим у нее людям, обеспечивающим ее проживание, ближним монахиням и семидесяти монастырским старицам выдавались на год запасы из Хлебного, Сытного и Кормового двorca [Акты исторические, 1841. С. 326–328]. В монастыре действовала светлица, где продолжали создавать произведения лицевого шитья, вложенные княгиней наряду с иконами в том числе в Кирилло-Белозерский монастырь³. Таким образом, и ктииторская деятельность княгини не исключает возможность датировать строительство между 1559 и 1569 г. (ее гибель).

Неожиданный возврат к формам конца XV столетия обнаруживает пример обращения к Успенскому собору Кирилло-Белозерского монастыря как к образцу, объяснимый особым почитанием княгиней Евфросинией святого Кирилла Белозерского. Можно предположить, что превращение Горицкого монастыря в ктииторскую обитель и ее выбор в качестве места подвизания в монашеском чине связаны именно с близостью к мощам преподобного Кирилла Белозерского. С особым молитвенным обращением к преподобному связано и посвящение ему придела собора Горицкого монастыря, и многочисленные вклады княгини и ее сына в Кирилло-Белозерский монастырь [Маясова, 1989. С. 212–216]⁴. В то же время строительство, осуществленное по замыслу московского заказчика, определило присутствие в архитектурном облике собора узнаваемых деталей новых столичных построек, что связано с желанием вписать собор в контекст московского зодчества.

³ Ряд вкладов датирован 1565–1566 гг., а последний — 1569 г. [Маясова, 1960. С. 41–64].

⁴ Н.К. Никольский по вкладным книгам подсчитал, что княгиня Евфросиния и ее сын Владимир Андреевич Старицкий пожертвовали 575 рублей деньгами, до 8000 четей хлеба и до 60 произведений искусства [Никольский, 1910. С. 174].

ЛИТЕРАТУРА

- Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. СПб.: Типогр. экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. 612 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. проф. Л. В. Черепнин. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.
- Дополнения к Никоновской летописи: Так называемая царственная книга // ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. М.: Языки русской культуры, 2000. I–VIII, 303–532 с. (Репр. воспр.: М., 1906.)
- Куликов С. Б. Некоторые итоги исследований истории возникновения и строительства соборного комплекса Воскресенского девичьего Горицкого монастыря // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 169–187.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. М.: Языки русской культуры, 2000. 302 с. (Репр. воспр.: СПб., 1904.)
- Летопись Горицкого монастыря // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 288–354.
- Маштафаров А. В. Горицкий в честь Воскресения Господня женский монастырь // ПЭ. Т. XII. М.: Православная энциклопедия, 2006. С. 113–118.
- Маясова Н. А. Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника. Вып. III. Загорск: Типогр. ЦБТИ Мособлсовнархоза, 1960. С. 41–64.
- Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Белозерского монастыря // ДРИ: Художественные памятники русского Севера / Отв. ред. и сост. Г. В. Попов. М.: Наука, 1989. С. 203–224.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. [1397–1625]. Т. I, вып. 2. СПб.: Синодальная типогр., 1910. 267, XCIII; OCCCXX с.
- Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых / Подг. к публ. Ю. С. Васильева // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 261–287.
- Подъяпольский С. С. Собор Белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники русского Севера / Отв. ред. и сост. Г. В. Попов. М.: Наука, 1989. С. 310–319.
- Яганов А. В. «Новое село Олександровское», «Новая слобода» или «село слобода Александровская»? Постановка вопросов для историко-топографического исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 11. Тверь: ИА РАН, 2018. С. 190–202.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Воскресенский собор Горицкого монастыря — проблемы датировки и интерпретации архитектурных форм

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Баталов Андрей Леонидович — профессор, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, заместитель Генерального директора, Музеи Московского Кремля, Кремль, 103132, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009. batal-bei@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Соборный храм традиционно датируется 1543/1544 г. В его архитектурном облике очевидно стремление строителей повторить структуру фасадов и детали орнаментальных поясов белозерских храмов конца XV в., не встречающихся в строительстве 1530–1540-х гг. Вместе с тем, в его облике присутствуют детали, которые впервые появляются в соборе Покрова на Рву 1555–1561 г. Это позволяет отнести церковь по крайней мере к периоду после 1559 г. и до 1569 г. Такая датировка соответствует и общим композиционным особенностям храма, построенного изначально с северным приделом, что несвойственно для архитектуры середины столетия, но характерно для более позднего периода.

Таким образом в архитектуре собора прослеживаются две противоречащие тенденции, образующие уникальность облика этого храма — с одной стороны, сознательное стремление обратиться к самым ранним образцам среднерусской архитектуры в Белозерье, с другой — привести в консервативную архитектурную традицию элементы столичной архитектуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Белозерье, древнерусское зодчество, Воскресенский Горицкий монастырь, княгиня Евфросиния.

TITLE

The Resurrection Cathedral of the Goritsky Monastery: Dating and Interpreting its Architectural Forms

AUTHOR

Batalov, Andrei Leonidovich — Full Doctor, leading researcher, State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, Moscow, Russian Federation, 125009. batal-bei@yandex.ru

ABSTRACT

The cathedral is traditionally dated at 1543/1544 year. It is clear from its architectural appearance that the builders wanted to repeat the structure of the facades and the details of the ornamental friezes of the Belozero churches of the late 15th century, unusual for the buildings of the 1530s–1540s. However, there are details that first appear in the Cathedral of Vasily the Blessed of 1555–1561. This allows us to attribute the church at least to the period after 1559 and until 1569. Such dating also corresponds to the general composition of the church, which originally had a northern aisle which is not typical of the architecture of the mid-century but is characteristic of a later period. Thus, two contradictory trends can be traced in the architecture of the cathedral, which form the uniqueness of the temple's appearance — on the one hand, a conscious desire to turn to the earliest examples of Central Russian architecture in Belozero, and on the other hand to introduce elements of metropolitan architecture into the conservative architectural tradition.

KEYWORDS

Belozerye, Old Russian architecture, Goritsky Monastery of Resurrection, Princess Euphrosyne Staritskaya, sample, ornamental frieze, Assumption Cathedral of the Kirillo-Belozersky Monastery.

REFERENCES

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei (Historical Acts Collected by the Archaeographic Commission)*, vol. 1. Saint Petersburg, V tipografii ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1841. 612 p. (in Russian).
- Cherepnin L. V. (ed.) *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-vostochnoi Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Russia of the End of the 14th — Beginning of the 16th Century)*, vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958, 727 p. (in Russian).
- G. I. Ivanova (ed.) *Chronicle of the Goritsky Monastery. Kirillov: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh (Kirillov: Local History Almanac)*, 1994, № 1, pp. 288–354 (in Russian).
- Iaganov A. V. "New village Oлександрovskoe", "New settlement" or "village Sloboda Aleksandrovskaya"? Stating a Question for a Historical and Topographical Research. *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)*, 2018, № 11, pp. 190–202 (in Russian).
- Koshelev A. (ed.) *Dopolneniia k Nikonovskoi letopisi: Tak nazyvaemaia tsarstvennaia kniga. Polnoe sobranie russkikh letopisei. (Additions to the Nikon Chronicle: The so-called Royal Book. Collected Russian Chronicles)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 13, part 2, pp. I–VIII, 303–532 (in Russian).
- Koshelev A. (ed.) *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu. Polnoe sobranie russkikh letopisei. (Collection of Chronicles, called the Patriarch or Nikon Chronicle. Collected Russian Chronicles)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 13, part 1, 302 p. (in Russian).

- Kulikov S.B. Some results of the Research on the History and Construction of the Cathedral Complex of the Goritsky Resurrection Monastery. *Kirillov: Kraevedcheskii al'manakh (Kirillov: Local History Almanac)*, 1997, №2, pp.169–187 (in Russian).
- Maiasova N.A. Embroidery Workshop of the Staritsky Princes. *Soobshcheniia Zagorskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia-zapovednika (Messages of the Zagorsky Historical and Art Museum-Reserve)*, 1960, №3, pp. 41–64 (in Russian).
- Maiasova N.A. Old Russian Embroidery from the Collection of the Kirillo-Belozersky Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennye pamiatniki russkogo Severa (Old Russian Art: Art of the Russian North)*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp.203–224 (in Russian).
- Mashtafarov A.V. Goritsky Monastery in Honor of the Resurrection of the Lord. *Pravoslavnaia entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2006, vol. 12, pp.113–118 (in Russian).
- Nikol'skii N.K. *Kirillo-Belozersky Monastery and its Structure until the Second Quarter of the 17th Century [1397–1625]*, vol.1, issue2. Saint Petersburg, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1910, 699 p. (in Russian).
- Pod'iapol'skii S.S. The Cathedral of the Belozersky Goritsky Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennye pamiatniki russkogo Severa (Old Russian Art: Art of the Russian North)*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp.310–319 (in Russian).
- Vasil'eva Iu.S. Otpisnaia kniga Voskresenskogo Goritskogo devich'ego monastyria otpischikov Kirillova monastyria chernogo popa Matveia i startsa Gerasima Novgorodtsa igumen'e Marfe Tovarishchevykh. *Kirillov: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh (Kirillov: Local History Almanac)*, 1994, №1, pp.261–287 (in Russian).

«Голицынский» ремонт Теремного дворца как историографический миф

©2019

УДК 72.03(470-25)

ББК 85.11(2)

T19

Поступила в редакцию 28.03.2019

Теремной дворец Московского Кремля — трехэтажное здание, возведенное в 1635–1637 гг. на сводах двухэтажных Постельных хором начала XVI в. [Подъяпольский, 2003а; Он же, 2003б], — остается малоисследованным памятником архитектуры. Известия о множестве ремонтов и реставраций¹, история которых не написана, ставят под сомнение подлинность как архитектурных элементов, так и целого. Данная заметка — попытка разобраться, на основе опубликованных и известных источников, в истории ранних поновлений дворца, прежде всего ремонта, предположительно проведенного в 1680-е гг. под наблюдением В.В. Голицына. Именно этот сюжет делает наши

1 Краткий обзор стилистической реставрации 1836–1849 гг. был опубликован И.Е. Забелиным в «Тетрадах» Ф.Ф. Рихтера [Забелин, 1853]. Между тем Ф.Ф. Горностаев в начале XX в. справедливо замечал, что результаты реставрации середины XIX в. по-прежнему не опубликованы [Горностаев, 1909. С.274]. Такой же ситуация остается и сейчас, хотя еще один обзор реставрации XIX в. опубликован О.П. Щенковой [Щенкова, 2002. С.103]. Материалы, связанные с реставрацией Теремного дворца в XIX в., хранятся в РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Кроме того, во второй половине XIX в. и в 1620-е гг. (под руководством Д.П. Сухова) проводились технические ремонты. ГНИМА. Ф.38. Оп.1. Д.110–111. Работы команды В.Я. Либсона 1960-х гг. ставили в качестве одной из задач установление подлинности декоративных элементов. Моспроект-3. Мастерская №7. В.Я. Либсон, Д.Н. Кульчинский, И.Е. Фреймарк, И.П. Рубен. Технические условия на реставрационные работы по Теремной части Большого Кремлевского дворца. М., 1968. Рукопись // Технический архив ФСО. Оп.20/1. №3831. Часть отчетов команды В.Я. Либсона хранится в ЦГА г. Москвы. Небольшая часть графических материалов данных исследовательских работ: прорисовки ширинок 5-го яруса, профиль верхнего карниза, незаконченный рисунок Золотого крыльца, — хранится в ГНИМА им. А.В. Щусева. РВ 7528/1–10, РВ 7527/1–2. Материалы по истории ремонтов дворца собраны в недавнее время: О.Г. Ким, А.А. Белоконь, Т.А. Кончакова, Б.Ю. Кондаков. Архивные изыскания: М.А. Плигина, Т.П. Машкова, А.В. Лазарева, С.М. Малыгин. Комплекс научно-исследовательских, изыскательских и проектных работ по реставрации Большого Кремлевского дворца. Историко-культурные исследования, четвертый этап. Историко-культурное зонирование, историко-культурные исследования и проекта предмета охраны Теремного дворца. В 3 т. М., 2010. Рукопись, в архиве авторов. Благодарю О.Г. Ким за возможность ознакомиться с материалом. Часть обсуждаемых и развиваемых здесь положений высказана в статье: [Тарабарина, 2019].